

ную въ бѣдѣ и менѣе, въ постановкѣ и частностей и выводовъ, вмѣстѣ съ сообразительностью и внимательностью. Достоинства эти ярко свѣтятся въ бѣдѣ большей части произведенія в. п. Филарета. Это — драгоценное пріобрѣтеніе нашей литературы, которое должно вести ко многимъ благотворнымъ послѣдствіямъ. Оно важно и безотнositельно для каждаго образованнаго христіанина; оно необходимо — и для того, кто посвятилъ свое время подробному изученію христіанства по отношенію къ церкви или къ общественной образованности, — и для того, кто при историческомъ изученіи Руси и всего ей соплеменнаго, желаетъ приблизиться къ тому источнику свѣта, изъ котораго черпали просвѣщеніе духовные вожди Руси.

Важность по возможности общаго ознакомленія съ отцами церкви была у насъ признаваема издавна. Во многихъ даже древнихъ памятникахъ нашихъ находимъ оправданіе этому. Въ такъ называемыхъ прологахъ, патерникахъ или отечникахъ и тому подобныхъ сборникахъ представляются и жизнеописанія отцовъ церкви и такіе отрывки изъ ихъ твореній, которые были избираемы съ явной цѣлію знакомить читателей съ духомъ ихъ. Въ этихъ книгахъ, глядя на нихъ со стороны ихъ состава, видимъ одинъ существенный недостатокъ — отсутствіе повременности въ порядкѣ: воспоминанія объ отцахъ церкви идутъ въ нихъ или въ порядкѣ календарномъ, или же въ порядкѣ отвлеченномъ, сообразно частной цѣли книги; порядокъ времени былъ соблюдаетъ почти исключительно только тамъ, гдѣ были изображены дѣянія соборовъ, и гдѣ объ отцахъ церкви отдѣльно говорилось всегда очень мало. Глядя на эти книги со стороны вѣрности изображенія, найдемъ недостатокъ еще болѣе: вѣрности мѣшала и краткость жизнеописаній, и отрывочность мѣстъ, избранныхъ изъ твореній отцовъ церкви. Нельзя сказать, чтобы существенный шагъ впередъ слѣланъ былъ въ этомъ отношеніи въ Четивхъ Миніяхъ Макарія; онѣ богаче только числомъ подробностей. Гораздо важнѣе Четив Миніевъ св. Дмитрія Ростовскаго; но и при нихъ составленіи впрочемъ главною цѣлію было не изображеніе отцовъ церкви. Изученіе патристики должно было, конечно, считаться однимъ изъ важныхъ предметовъ преподаванія въ высшихъ духовныхъ училищахъ; но въ нашихъ академіяхъ долго знакомили слушателей съ отцами церкви только по поводу толкованія книгъ св. писанія, при изложеніи исторіи церкви и при подобныхъ случаяхъ, и патристика сама по себѣ, какъ отдѣльная наука, не излагалась. Только уже въ послѣднее время, въ слѣдствіе болѣе самостоятельнаго развитія учености въ нашемъ духовенствѣ, явилась возможность дать и ей мѣсто самостоятельное. Съ этихъ поръ стали появляться въ повременныхъ изданіяхъ академіи отдѣльныя статьи патристиче-

скаго содержанія. Надобно было переработывать и сочиненія иностранныхъ, и изучать творенія отцовъ церкви, и собирать свѣдѣнія о нихъ изъ источниковъ разнообразныхъ: не мудрено, что могли появляться только отдѣльныя статьи, отрывки изъ патристики, а преподаватели должны были ограничиваться перѣдко однимъ краткимъ современнымъ обзорѣніемъ отцовъ. Съ выходомъ въ свѣтъ произведенія в. п. Филарета обстоятельства должны измѣниться. И преподаватели, и юныя поколѣнія могутъ уже не обращаться къ руководствамъ иностраннымъ: есть свое Русское твореніе, стоящее выше другихъ подобныхъ иностранныхъ, выше, и притомъ несравненно болѣе пригодное для православныхъ. Къ нему же, конечно, станутъ теперь обращаться и тѣ Русскіе, которые нуждаются въ такой книгѣ для своихъ цѣлей историко-литературныхъ, историко-философскихъ и т. д. Нельзя забыть, что конецъ послѣдней книги посвященъ писателямъ Русскимъ.

— Опытъ Русской Грамматики. К. Аксакова. Часть 1-я. Выпускъ 1-й. М. 1860. (8^о: XII+175).

За четырнадцать лѣтъ предъ симъ К. С. Аксаковъ издалъ свое замѣчательное наследованіе о Ломоносовѣ въ исторіи Русской литературы и Русскаго языка (М. 1846. стр. 517), и съ тѣхъ поръ перѣдко откликался въ Русской литературѣ на вопросы о языкѣ. Особенно важенъ его послѣдній трудъ — критическій обзоръ «Опыта исторической грамматики Русскаго языка» О. И. Буслаева, помещенный въ Русской Бесѣдѣ прошлаго года, трудъ обширный (210 страницъ), потребовавшій отъ сочинителя много соображеній и вмѣстѣ съ тѣмъ подавшій читателямъ надежду, что авторъ его дастъ имъ свою Русскую грамматику. Надежда эта — исполняется: первый выпускъ 1-й части, безъ сомнѣнія, не останется одинокимъ, если только изданіе слѣдующихъ выпусковъ не соединится съ переизданіемъ этого перваго. Явленіе во всякомъ случаѣ важное, заслуживающее полнаго вниманія мыслящихъ читателей, занимающихся Русскимъ языкомъ. И въ этомъ сочиненіи К. С. Аксаковъ, какъ и во всѣхъ другихъ произведеніяхъ, тотъ же независимый, можно сказать, самобытный мыслитель и наблюдатель; а такихъ у насъ, какъ извѣстно, очень мало. Нельзя не замѣтить въ томъ, что онъ высказывалъ до сихъ поръ о Русскомъ языкѣ, и силы чутка языка, которою онъ часто замѣняетъ силу наблюдательности, вызывая ее и въ читателѣ. Вотъ, по моему крайнему разумѣнію, та свѣтлая сторона, которая внушаетъ уваженіе къ грамматическимъ трудамъ К. С. Аксакова, и которая ясно свѣтитъ и въ его «Опытѣ Русской грамматики». Не смотря на это, едва ли нужно пожелать, чтобы и слѣдующіе выпуски этой книги были совершенно таковы, какъ первый. То ли надеются отъ нихъ всѣ, а я съ своей стороны позволяю желать себѣ —